

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ

А.В. Манойло

DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6221

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

Аннотация. В статье сформулированы две основные концепции реализации государственной политики в условиях психологической войны — противодействие психологической войне и управление психологической войной. Концепция управления психологической войной — деятельность по изменению системных свойств войны в избранном направлении при помощи инструментов внешнего политического воздействия — базируется на принципе, что, если что-то нельзя победить, то его нужно организовать и возглавить. Применение этой концепции на практике позволяет государственной политике достигать цели, недостижимые для концепции противодействия, и в корне меняет устоявшиеся представления о показателях и степени опасности современной информационно-психологической войны. По нашему мнению, в системе государственной информационной политики именно управление информационно-психологической войной станет в ближайшем будущем важнейшей категорией деятельности органов власти в особых условиях.

Ключевые слова: политология, международные отношения, внешняя политика, национальная безопасность, психологическая война, информационная война, психологические операции, управление, конфликт, США.

1. Формат вооруженных конфликтов нового поколения

Сегодня внимание всей научной общественности приковано к событиям, которые развиваются в Афганистане, Пакистане, Ираке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Египте, Ливии, Сирии. Ирак в это отношении является показательным примером, с которого все началось. Сейчас уже достаточно очевидно, что Ирак рассматривался американским командованием как идеальный полигон для испытания новых средств и способов ведения войны, и, в первую очередь, для отработки в режиме реальных боевых действий новых тактических концепций и технологий информационно-психологического воздействия. В политическом плане важность того, что происходило в Ираке, трудно недооценить: именно благодаря успешности избранной силами вторжения тактики ведения боевых действий страна не только была полностью взята под контроль (или оккупирована — как кому нравится), но и появилась возможность строить планы принудительного возвращения в русло американской политики таких давних оппонентов как Иран и КНДР. В научном плане многие ученые не перестают отмечать, что американо-иракский вооруженный конфликт развивался совершенно иначе, чем его предшественники, и, если анализировать его чисто в военном плане, то многие действия американского командования не просто непонятны, но иногда кажутся нелогичными, примитивными, не учиты-

вающими местной специфики. Для внешних наблюдателей, следивших за конфликтом с экранов телевизоров, странное «топтание» коалиционных сил вблизи Басры и сложные маневры бронетанковых колонн вокруг незначительных иракских портовых городков дали повод говорить о том, что американцы либо ввязались в конфликт, не имея четких планов подавления иракской обороны¹, либо столкнулись с неожиданно сильным сопротивлением, к которому не были готовы. Когда же активные действия коалиционных сил временно замирали, это, как правило, объяснялось стремлением командования союзников избежать потерь. Однако, эти потери все равно возникали, и нередко в тот самый момент, когда общественность, замершая у экранов телевизоров, начинала скучать, наблюдая, как обладающие огромной ударной поражающей мощью элитные войска союзников безуспешно пытаются выбить иракских стрелков из трех-четырех занимаемых ими сараев. При этом боевые потери армии США в Ираке мгновенно собирали у экранов телевизоров огромную аудиторию американских граждан и, затем, фокусировали их внимание на тех ма-

¹ В свое время очень популярной была такая версия причин возникновения конфликта: Буш-младший пришел в Ирак чтобы отомстить за Буша старшего, потому что давно мечтал об этом. И как только такая возможность представилась, он тут же развернул военную машину США для подготовки вторжения. А на осторожные замечания генералитета о том, что иракская компания может дорого обойтись, он, вероятно, ответил что-то вроде: «Когда речь идет о чести семьи, разговор о деньгах неуместен».

териалах, которые подавались сразу после сводок с фронтов.

Если рассматривать версию об относительно слабой первоначальной готовности армии США к ведению боевых действий в Ираке, то, с нашей точки зрения это, конечно, не так — если бы американские войска приступили бы к покорению Ирака без заранее продуманного плана, вряд ли им это бы удалось с такими минимальными потерями и в такие короткие сроки. С точки зрения бизнеса, иракская операция была исключительно успешной формой реализации коммерческого проекта — за короткий срок административный контроль над огромной территорией перешел в руки союзного командования, которое теперь свободно распоряжается уцелевшей экономикой покоренной страны и богатейшими нефтяными месторождениями. Это позволяет сделать вывод, что ни одно из действий американского командования не было случайным — просто перед нами, внешними наблюдателями, разыгрывался хорошо срежиссированный спектакль, рассчитанный на то, чтобы держать в постоянном напряжении аудиторию, управляя ее эмоциями в интересах реализации собственной государственной политики. Действительно, в течение нескольких месяцев миллионы зрителей по всему земному шару заморожено следили за многосерийными сводками боевых действий в Ираке, который по своей популярности вытеснил даже знаменитые «мыльные оперы». При этом мало кто замечал, что ударные группировки союзников как будто позируют перед телекамерами, и в боевые действия вступают только тогда, когда уже заранее известен их пиар-эффект. Ничего лишнего, ни одного движения, не попавшего в кадр. Создается впечатление, что иракские бойцы в спектакле играют роль массовки, которую «экономно расходуют» так, чтобы хватило на следующие серии. Сам же сценарий кампании строится так, чтобы обеспечить информационно-психологическое воздействие на американскую и международную общественность — аудиторию, следящую за войной с экранов телевизоров, — с целью обеспечения ее добровольного подчинения. Такой сценарий, по сути, есть новая разновидность технологий информационно-психологического воздействия на сознание, в котором с реальностью работают так, как это делают с сюжетом журналистского репортажа. При этом собственно боевые действия становятся одной из сцен, предусмотренных сценарием, и теряют свою ключевую, самостоятельную, роль.

С нашей точки зрения, наблюдая с экранов телевизоров за «странной» войной в Ираке, мир уви-

дел появление войн нового поколения — информационно-психологических, в которых собственно боевые действия играют подчиненную сервисную роль, а план вооруженной кампании строится по правилам и в соответствии со сценарием пиар-воздействия на собственных граждан, на граждан политических союзников и оппонентов и на международное сообщество в целом. Таким образом, мы можем со всеми основаниями говорить о том, что современный вооруженный конфликт развивается в жанре репортажа и по законам этого жанра, с тем чтобы генерируемые им новости своим форматом максимально близко соответствовали формату пиар-материала, необходимого для реализации технологий информационно-психологического воздействия. В результате такая цепочка производства (боевыми подразделениями вооруженных сил) и практической реализации (силами психологических операций) новостей с театра военных действий становится высокотехнологичным конвейером производства инструментов обработки и формирования общественного мнения, обеспечения добровольного подчинения, политического целеуказания и управления вектором политической активности элит, находящихся у власти в различных странах. Продукт современной операции информационно-психологической войны — это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

Сегодня информационно-психологические войны нового поколения становятся эффективным инструментом внешней политики: пусть общество не обманывает то, что в репортажах с театра военных действий зрители видят, что жертвы агрессии — не они сами, а граждане Ирака в далекой стране, положение которой на карте далеко не все укажут с первого раза. Цель любой информационно-психологической операции — добровольная подчинимость общества, которая обеспечивается при помощи технологий психологического воздействия на сознание его граждан. Пиар-компания, сопровождающая военные действия в Ираке, тому явное подтверждение — формат и характер вещания рассчитаны, в основном, на граждан тех стран, которые в той или иной степени негативно относятся к политическому курсу администрации США, при этом в преподносимых зрителям материалах несложно выявить типично манипулятивные приемы работы с информацией. Это позволяет говорить о том, что в информационно-психологической войне, ведущейся в Ираке, под прицелом находятся не только граждане этой страны, но и мы сами.

2. **Информационное противоборство
и информационно-психологическая война —
к вопросу о соотношении понятий**

Сам термин «информационно-психологическая война» был перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина («information and psychological warfare») с родного для него языка — английского — может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война», в зависимости от контекста конкретного официального документа или научной публикации. Многозначность перевода данного термина на русский язык почему-то стала причиной разделения современных российских ученых на два соперничающих лагеря — на сторонников «информационного противоборства» и сторонников «информационной войны», несмотря на то, что, на языке оригинала это, по существу, одно и то же. Вводя в употребление термин «информационно-психологическая война», американские ученые, как гражданские, так и военные, придерживаются традиционной для американской культуры прагматичной идеологии, ориентированной не столько на конкретные сиюминутные нужды, сколько на ближайшую перспективу: используя термин «информационная война», они формируют в сознании властных кругов и общественности в целом целевую установку на то, что в будущем эта форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние. Да, говорят американцы, мы уже настолько хорошо изучили психологию человека и научились ею управлять, что для обеспечения его безусловной подчиняемости нам уже не нужно применять грубую силу — армию и полицию. Те же способы подчинения могут быть применены и к любой социальной системе. Если же социальная система не желает добровольно подчиняться, мы заставим ее это сделать с помощью современных комплексных технологий тайного информационно-психологического воздействия, причем для непокорной социальной системы результат такого противостояния будет равносильен поражению в войне.

По нашему мнению, у американцев информационная война используется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как вектор формирования внешней политики, как программа выбора политического курса и конечная цель эволюции инструментов политического управления. Поэтому, непрекращающиеся

сегодня баталии российских ученых по поводу того, правомерно ли называть современные информационно-политические конфликты информационными войнами или все-таки лучше использовать для этого термин «информационное противоборство», на наш взгляд, не приведут к существенным для науки результатам.

Не секрет, что современная концепция информационно-психологических войн США основана на трудах и практическом опыте стратега политики китайских военных и политических деятелей, таких как выдающийся полководец и государственный деятель Сунь-Цзы², живший в IV в. до н.э. в древнекитайском царстве Ци. Можно предположить, что, если бы, например, концепция информационных войн пришла бы в российскую политику и науку непосредственно из Китая, то, возможно, мы бы сейчас спорили о том, не является ли информационно-психологическая война всего лишь очередной фазой эволюции азиатской политической мысли, в которой традиционно почитаемая на востоке хитрость и коварство переплетаются в сложнейшей сети явных и тайных политических интриг. И наверняка бы возник вопрос: можно ли острый политический конфликт называть информационно-психологической войной, если даже в те времена, когда основные ее положения уже были сформулированы (IV в. до н.э.), традиционное военное искусство не только не потеряло своего значения, но и начало активно развиваться именно в направлении массированного применения грубой вооруженной силы. То есть, если тогда, на зачаточной стадии развития военного искусства, не произошло вытеснение новыми формами психологической борьбы более примитивных и архаичных форм прямой вооруженной агрессии, то почему это должно произойти сейчас, при современном уровне развития систем вооружений и военного искусства в целом?

Определяя информационное противоборство как наиболее общую категорию социальных отношений, мы придерживаемся следующей точки зрения: к информационному противоборству можно отнести любые формы социальной и политической конкуренции, в которых для достижения конкурентного преимущества предпочтение отдается средствам и способам информационно-психологического воздействия. Видно, что понятие информационного противоборства включает в себя весь спектр конфликтных ситуаций в информационно-психологической сфере — от межличностных

² Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.-Л., 1959.

конфликтов до открытого противостояния социальных систем. Информационно-психологическая война — это, безусловно, также один из видов информационного противоборства.

Почему же возникла необходимость введения нового термина «информационно-психологическая война»? И с чем связана такая его живучесть? Ведь, где бы этот термин не употреблялся, все прекрасно понимают, о чем идет речь. Именно это определяет практическую ценность данного термина в системе научных знаний. По нашему мнению, существует несколько основных причин, благодаря которым этот, вообще говоря, публицистический, термин так прочно вошел в научные труды и нормативные документы:

- во-первых, использование термина «информационно-психологическая война» применительно к сфере вооруженного противоборства подчеркивает все возрастающую роль психологических операций в современных войнах и локальных вооруженных конфликтах: современные войны все более становятся психологическими, напоминая масштабную PR-кампанию, а собственно военные операции постепенно отесняются на второй план и играют четко определенную и ограниченную роль, отведенную им в общем сценарии военной кампании;
- во-вторых, использование данного термина подчеркивает, что современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия;
- в-третьих, использование данного термина подчеркивает ту роль, которую начинают играть информационно-психологические операции в международной политике, вытесняя из политической практики или замещая в ней иные, более традиционные, формы политического регулирования, такие как война вообще и военные акции, в частности;
- в-четвертых, применение данного термина вызвано необходимостью подчеркнуть высокую социальную опасность некоторых современных организационных форм и технологий информационно-психологического воздействия, используемых в политических целях.

С нашей точки зрения, наиболее корректно понятие информационно-психологической войны

описывает определение: ИПВ — это политический конфликт по поводу власти и осуществления политического руководства, в котором политическая борьба происходит в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия [4, 12].

3. *Правомерно ли использовать термин «война» при описании агрессивных форм информационно-психологической борьбы?*

Но все это, конечно, лишь наиболее общие рассуждения о том, почему термин «информационно-психологическая война» так прочно прикрепился к ряду явлений современной политической жизни. Истинная же причина этого, на наш взгляд, состоит в том, что современная агрессивная информационно-психологическая борьба сама порождает локальные войны и вооруженные конфликты, которые становятся индикатором информационно-психологической войны, ее «витриной» и основной формой политического проявления скрытых процессов, лежащих в ее основе. При этом в современной информационно-психологической войне вооруженные конфликты играют строго отведенную им роль.

Для того, чтобы запустить, или инициализировать, тот или иной боевой механизм информационно-психологического воздействия на сознание (или подсознание), необходим мощный толчок, или стресс, способный вывести от природы устойчивую систему психики человека из равновесного состояния и активизировать в ней поиск новых защитных механизмов, адекватных стрессовой ситуации³. В качестве такой защиты психотехнологи любезно готовы предложить свою идеологию, мировоззрение, систему ценностей, замещающие в человеке прежние психологические механизмы защиты. Что, в конечном итоге, обеспечивает достижение главной цели любой современной психологической операции — добровольную подчиняемость личности.

Такой эффект на психику человека способна оказать только внезапно возникшая угроза для его жизни: неизвестная медицине эпидемия (например, атипичная пневмония), стихийное бедствие ... или война. При этом, если наступление первых двух событий предсказать достаточно сложно⁴, то войну

³ Для этого, кстати, не обязательно, чтобы угроза, вытекающая из стрессовой ситуации, была реальной - достаточно создать иллюзию того, что в изменившейся ситуации прежние механизмы психологической защиты уже не работают, либо не справляются с возлагаемой на них нагрузкой.

⁴ и поэтому они принципиально не подходят в качестве иницирующего толчка для планирования операций психологиче-

или локальный вооруженный конфликт можно породить практически в любой точке земного шара и в тот самый момент, когда это предусмотрено сценарием психологической операции⁵. Кроме того, угроза войны — идеальный инициирующий повод для психологического стресса: угроза войны одновременно направлена и на крупные страты (государства, нации, народности), и непосредственно на каждую личность в отдельности.

Таким образом, на современной стадии развития политических технологий информационно-психологическая война не всегда начинается собственно с военных действий, но сами военные действия становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции — в качестве средства инициирования⁶ цепных психологических реакций, предусмотренных сценарием психологической войны. Война психологическая порождает

ской войны. Так называемая эпидемия атипичной пневмонии, не является исключением из этого правила: такие эпидемии возникают регулярно (в частности, вирус гриппа мутирует каждый год) и их просто не замечают. Сам миф о смертельно опасной эпидемии атипичной пневмонии был сформирован искусственно, и, безусловно, является одной из составляющих информационно-психологической операции США в Ираке, но цель его — отвлечь мировое общественное мнение от неудач союзных сил в войне — является примером того, как грамотно и оперативно в психологической войне могут быть использованы любые изменения оперативной обстановки.

⁵ Не случайно на примере войны в Ираке (1992-1994 г.) мы видим, что современная война напоминает масштабный пиар-спектакль, в котором делается только то, что попадает в кадр кинокамер в соответствии с пиар-сценарием кампании, а кровь своих солдат, солдат противника и союзных сил льется только в тех случаях, когда это необходимо для достижения пиар-эффекта.

⁶ В свете этих положений, как представляется, становятся понятны некоторые «нелогичные» эпизоды войны в Ираке — например, странное бездействие союзных сил в Басре и ряде других населенных пунктов, когда мощная военная машина наступающих войск неожиданно забуксовала и остановилась при первых звуках выстрелов иракских ополченцев, которые, по определению, не могли ни задержать вторжение, ни даже нанести ему ощутимый урон. Тем не менее, войска союзников остановились и вели себя пассивно, если не сказать — сонно, в течение нескольких недель, становясь темой для пересудов, политических сплетен, слухов и официальных заявлений. Не ставя под сомнение профессионализм американских и британских военных, хочется заметить, что, вполне возможно, во всех указанных случаях сам штурм и оккупация населенных пунктов не был главной целью для войск вторжения — своей активизацией, сопровождающейся потерями как среди своих, так и среди чужих, американско-британские части в течение месяца подбрасывали для мировой общественности шокирующие пиар-уколы, выполняющие роль инициализирующего механизма для запуска сценария очередного этапа психологической операции. Т.е., возможно, быстрый и бескровный штурм Басры изначально не был в планах союзных войск.

войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим инициирующий повод, а, следовательно, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в планах информационно-психологической войны традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет ее из сферы политических отношений — глобальные военные конфликты постепенно исчезают из политической жизни (в условиях ИПВ в них больше нет необходимости), количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растет.

Наблюдающийся сегодня постепенный перенос политической борьбы в информационно-психологическую сферу увеличивает риск возникновения локальных вооруженных конфликтов: технологии информационно-психологической войны многим кажутся привлекательными именно в силу их относительной дешевизны, доступности и эффективности, а, следовательно, интенсивность их использования в политической борьбе будет только нарастать. Соответственно, будет увеличиваться и количество локальных вооруженных конфликтов, которые в психологических операциях играют роль инициирующего механизма — «пускового крючка». Что, в конечном итоге, ведет к распространению практики применения собственно вооруженного насилия: там, где начинается психологическая война, обязательно возникнет локальный вооруженный конфликт.

Таким образом, психологическая война — это и есть боевые действия, спланированные в соответствии с пиар-сценарием, цель которых — не уничтожение живой силы и техники противника, а достижение пиар-эффекта.

4. *Базовый принцип противодействия операциям психологической войны*

Продукт современной операции информационно-психологической войны — это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа. Соответственно, продукт информационно-психологической контроперации — сводка новостей, которая делает построение такого репортажа неудачным.

5. *Методика исследования психологической войны*

Сегодня информационно-психологическая война как фактор внешней политики исследуется наравне с дипломатической, экономической и вооруженной борьбой, развиваясь вместе с тем как само-

стоятельное направление научного исследования. Однако, по нашему мнению, ни один из существующих сегодня научных подходов не раскрывает сущность информационно-психологической войны ни как политического конфликта, ни как социального явления, что, возможно, и является основной причиной неэффективности выбираемых сегодня средств и методов политического регулирования данной категории общественных отношений. Все это требует разработки новой методологии исследования информационно-психологической войны, которая позволяла бы, в зависимости от конкретной политической ситуации, рассматривать это явление в глобальных масштабах, на геостратегическом, тактическом и прикладном уровне.

С нашей точки зрения, информационно-психологическая война (ИПВ) в рамках научного исследования может рассматриваться на различных уровнях познания:

- как социальное явление;
- как поле политических конфликтов;
- как особая форма политического конфликта;
- как элемент системы инструментов политического регулирования (инструмент информационной политики).

В рамках каждого из указанных уровней рассмотрения информационно-психологическая война исследуется в рамках собственной научной гипотезы:

1. Социологическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — социальное явление и новая форма общественных отношений, порождаемая информационным обществом.
2. Статистическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — поле политических конфликтов, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии;
3. Конфликтологическая гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — политический конфликт с целью разрешения противоречий по поводу власти и управления, в котором столкновение сторон осуществляется в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия [1].

Цель информационно-психологической войны: разрешение противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве.

Задачи информационно-психологической войны:

- трансформация структуры национальных экономических, политических, социально-культурных, информационно-психологических пространств участников международных отношений в соответствии с собственными принципами формирования информационно-политической картины мира;
- достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений;
- достижение целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии;
- обеспечение благоприятных условий для перехода собственной национальной системы социально-политических отношений на новый, более высокоразвитый и высокотехнологичный этап эволюционного развития.

Признаки информационно-психологической войны:

- насилие как основная форма взаимодействия участников информационно-политического конфликта;
- информационно-психологические операции как специальная организационная форма оказания политического воздействия на участников конфликта;
- применение информационного оружия.

4. Системно-функциональная гипотеза информационно-психологической войны: информационно-психологическая война — часть системы политического регулирования, инструмент информационной политики.

В рамках социологической гипотезы информационно-психологическая война рассматривается как новая форма социальных отношений (объект социологического анализа), а спектр конфликтных ситуаций, порождаемых психологической войной, — как внешнее проявление системных свойств данного объекта.

В рамках статистической гипотезы информационно-психологическая война рассматривается как сложная высокодифференцированная система (поле) политических конфликтов, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, каждый из которых рассматривается как единичная реализация ансамбля конфликтных ситуаций, генерируемых или проявляемых полем психологической войны.

В рамках конфликтологической гипотезы информационно-психологическая война рассматривается как политический конфликт, имеющий самостоятельное значение как объект исследования и управления, находящийся во взаимодействии и

взаимообусловленности с другими политическими конфликтами.

В рамках системно-функциональной гипотезы информационно-психологическая война рассматривается как часть системы информационной политики как агрессора, так и жертвы агрессии, в рамках которой информационно-политические конфликты, порождаемые психологической войной, интегрируются в структуру политической системы конфликтующих сторон и используются ими в качестве инструментов политического регулирования [2].

Разумеется, правомерность применения каждой гипотезы к понятию информационно-психологической войны требует доказательства.

Теорема 1. Информационно-психологическая война — социальное явление.

Доказательство: информационно-психологическая война — это форма насилия, в которой в качестве инструмента принуждения используются возможности воздействия информации на психику человека. Можно выделить два основных признака социальности этого явления:

- применение насилия в качестве основной формы воздействия;
- использование возможностей воздействия информации на психику человека в качестве инструмента социального принуждения.

Насилие в социальных отношениях — явление достаточно распространенное, чтобы считать его социальным: насилие невозможно без общественной организации и социально-политической иерархии, системы подчинения одних членов общества другим. При применении насилия предпочтение всегда отдается тем средствам, способам и инструментам социального принуждения, которые в условиях данной общественной организации наиболее эффективны. В информационном обществе такими инструментами являются комплексные организационные технологии информационно-психологического воздействия.

Теорема 2. Информационно-психологическая война — политический конфликт. **Доказательство:** Информационно-психологическая война обладает следующими признаками политического конфликта:

- имеет место столкновение конфликтующих сторон, которое последовательно проходит основные стадии развития социального конфликта: предконфликтную ситуацию (нарастание социальной напряженности или формирование конфликта характеризуется осознанием несовместимости интересов и позиций, консолидацией сторон конфликта; выдвижением

требований к оппоненту), латентную, инцидент, эскалацию, сбалансированное противодействие, кульминацию и угасание (разрешение противоречий или преобразование в иную форму).

- также как и социальный конфликт, информационно-психологическая война проходит через следующие фазы: конфронтационную (военную), в которой стороны стремятся обеспечить свой интерес за счет устранения чужого; компромиссную (политическую), в которой стороны стремятся по возможности достичь своего интереса через переговоры, в ходе которых производят замену отличающихся интересов каждого субъекта на общий, компромиссный; коммуникативную (управленческую), в которой стороны стремятся достичь согласия в том, что суверенитетом обладает не только каждый субъект конфликта, но и его интерес и ликвидируют лишь незаконные с точки зрения общества различия в процессе движения к взаимодополнению интересов;
- информационно-психологические войны возникают всегда по поводу перераспределения власти и осуществления политического руководства в обществе.

Соответствие этим признакам позволяет отнести информационно-психологическую войну к категории политических конфликтов.

Теорема 3. Информационно-психологическая война — поле политических конфликтов и статистическая система.

Доказательство: Информационно-психологическая война как часть системы политических отношений — это совокупность всех политических конфликтов, в которых предпочтение отдается различным видам информационно-психологического насилия, принимающего специальную организационную форму тайных операций с обязательным использованием информационного оружия. Современная наука (в силу непознанности данного политического явления) еще не позволяет описать всю систему информационно-политических конфликтов в ее динамике и развитии в аналитической форме (т.е. в форме многопараметрической функции или функционала), но, в принципе, разрешает рассматривать множество конфликтов как некое политическое пространство с заданными свойствами, определяющими характер взаимодействия материи и элементов этого пространства с любыми политическими явлениями и процессами, не принадлежащими ему, — т.е. позволяет рассматривать информационно-психологическую войну как поле политических конфликтов

и обосновывает правомерность использования формализма и понятийного аппарата теории поля к описанию данного явления.

Множественность и многообразие форм и проявлений информационно-политических конфликтов позволяет рассматривать поле конфликтов как статистическую систему, в которой многофакторное взаимодействие, взаимозависимость и взаимообусловленность множества элементов порождает общие закономерности поведения и трансформации структуры конфликтной материи на уровне законов больших чисел.

Теорема 4. Информационно-психологическая война — часть системы политического регулирования, инструмент информационной политики.

Доказательство: Информационно-психологическая война — часть системы:

- политического регулирования, поскольку ее цель — разрешение противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве;
- информационной политики, поскольку для агрессора война — средство (инструмент) достижения политических целей, для жертвы агрессии — средство (инструмент) нанесения ответного удара и восстановления военно-политического баланса.

Сформулированные выше гипотезы не исключают и не дублируют, а взаимодополняют друг друга, позволяя исследовать информационно-психологическую войну как сложное, многогранное явление в жизни общества, по своим масштабам выходящее за рамки рассмотрения какой-либо одной научной дисциплины [5-9]. В самом деле, в основу иерархии гипотез положен принцип детализации объекта научного исследования:

- рассматривая информационно-психологическую войну с позиций социологического подхода, мы видим объективное и целостное социальное явление, значимость которого можно определить только в сравнении с другими социальными явлениями подобного масштаба;
- рассматривая его более детально, мы, в первом приближении, видим, что материя данного объекта исследования соткана из множества информационно-политических конфликтов, взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих между собой. Огромное разнообразие форм и проявлений этих конфликтов не позволяет наблюдателю, стремящемуся держать в поле зрения их все или какую-то их заметную часть, определить, является ли по-

павший в поле зрения конфликт тем самым, который был наблюдаем им ранее, или это уже другой конфликт, развитие которого привело к появлению признаков и качеств, наблюдавшихся ранее у первоначально наблюдаемого конфликта (эргодичность поля политических конфликтов). Проблема идентификации наблюдателем информационно-политических конфликтов, имеющих большой период латентного развития, в условиях их множественной генерации и затухания, позволяет вводить в аппарат исследователя понятие поля политических конфликтов, и, используя формализм теории поля, исследовать наиболее общие закономерности поведения конфликтной материи, возникающие в результате множественного многофакторного взаимодействия большого количества разноуровневых политических конфликтов.

- отказавшись от цели держать в поле зрения сразу достаточно большую часть поля политических конфликтов, мы ограничиваемся в рамках конфликтологической гипотезы рассмотрением отдельно-взятого информационно-политического конфликта и его эволюции во времени и пространстве. Таким образом, еще более приблизившись к объекту наблюдения — информационно-психологической войне — мы уже не видим все многообразие его внутренней структуры, но, зато, в состоянии выделить из нее отдельные элементы — информационно-политические конфликты — и исследовать их индивидуальные свойства. Для этой цели хорошо приспособлен аппарат современной политической конфликтологии.
- и, наконец, исследование психологической войны как информационно-политического конфликта позволяет выделить те ее структурные свойства и элементы, которые могут быть интегрированы в систему информационной политики, т.е. стать, как минимум, — управляемыми, а, как максимум, — выполнять в этой системе определенные функции, в том числе — функции инструмента политического регулирования. Таким образом, информационно-психологическая война исследуется на этом (системно-функциональном) уровне уже не как самостоятельный политический объект, а как структурный элемент, деталь более сложного политического объекта — системы информационной политики.

Такая градация уровней детального рассмотрения информационно-психологической войны предполагает применение следующих методов исследования:

- социологических (при исследовании ИПВ как социального явления);
- статистических (при исследовании ИПВ как поля политических конфликтов);
- политической конфликтологии и политической психологии (при исследовании ИПВ как формы политического конфликта);
- логико-структурного и системно-функционального анализа (при исследовании ИПВ как часть системы и инструмента информационной политики).

6. Социальные функции психологической войны

Исследование информационно-психологической войны как социального явления позволяет выделить две основные социальные функции информационно-психологической войны: деструктивную и регулируемую.

Деструктивная функция состоит в том, что информационно-психологическая война приводит к долговременным изменениям в системе социально-политических отношений общества, к перестройке ее структуры, прямых и обратных связей с учетом появления новых, практически нерегулируемых нормами права, форм политического экстремизма; к обострению политической борьбы и распространению практики применения прямых форм насилия в политических целях. Применение современных технологий информационно-психологической войны приводит к поражению центральной нервной системы человека, выражающееся в разрушении индивидуального сознания, изменении или разрушении системы ценностей, нанесении ущерба психическому здоровью, изменении или частичной утрате способности к абстрактно-логическому мышлению, что в долгосрочной перспективе сказывается на генотипе нации. Негативное воздействие на сознание и психику личности не прекращается даже после устранения источника агрессии.

Регулирующая функция состоит в разрешении противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве методами, исключающими необходимость применения прямой вооруженной агрессии. В современном обществе информационно-психологическая война замещает и вытесняет эту форму конфликтных взаимоотношений в политической борьбе. В международных отношениях наблюдается тенденция использования поражающего потенциала современной информационно-психологической войны в целях сдерживания

прямой вооруженной агрессии — т.н. информационно-психологическое сдерживание (аналог сдерживания военного), подразумевающее управление кризисными ситуациями с помощью превентивных акций по информационно-психологическому воздействию на население и властные структуры в зонах возможного возникновения конфликтов.

Регулирование уровня социальной опасности информационно-психологической войны как средства жесткого политического принуждения и формы неконтролируемого насилия не может сводиться только к введению системы запретов и ограничений: информационно-психологическая война базируется на использовании в основе своих технологий скрытого воздействия тех же базовых элементов и способов социальной коммуникации, что и другие социальные процессы и, как социальное явление и разновидность социального конфликта, не может быть искоренена, но может удерживаться на определенном, контролируемом обществом уровне социальной опасности.

7. Государственная информационная политика

Центральное место в регулировании социальной опасности информационно-психологической войны занимает государственная информационная политика. Однако, современная государственная информационная политика России не в состоянии защитить российское общество от разрушительного воздействия информационно-психологической войны в связи с низкой готовностью российского общества оказывать активное сопротивление любым попыткам манипулирования общественным сознанием. В то время как в массовом сознании граждан еще только формируется понимание той угрозы, которую могут нести современные информационно-психологические войны, технологии информационно-психологической войны уже воздействуют не только на сознание, но и на подсознание.

В условиях информационно-психологических войн возникает необходимость изменения концепции существующей государственной информационной политики в целях ее адаптации к новым условиям, и в предположении, что, как постоянное социальное явление, информационно-психологическую войну на данном этапе развития общества искоренить нельзя, но можно удерживать на определенном, контролируемом обществом уровне социальной опасности с помощью государственного регулирования.

Недостаточная эффективность существующей государственной информационной политики в условиях информационно-психологической войны:

- требует изменения всей концепции действующей информационной политики в целях ее адаптации к современным условиям, в которых происходит формирование информационного общества;
- позволяет говорить об особых условиях ее реализации и необходимости выработки специальных методов и механизмов политического воздействия, адекватных тем революционным изменениям, которые сегодня происходят с системой социально-политических отношений современного общества.

В условиях информационно-психологической войны задача формирования государственной информационной политики должна состоять в поиске закономерностей, принципов, форм и методов политического регулирования, позволяющих:

- подготовить общество к активному противодействию информационно-психологической войне;
- противодействовать информационно-психологической войне на государственном уровне с активным участием институтов гражданского общества;
- осуществлять целеполагание, формирование организационной структуры, методическое и ресурсное обеспечение системы государственного управления по критериям: опережающего развития по сравнению с системой осуществления информационно-психологической агрессии (войны); адекватности противостояния информационно-психологической войне как постоянному социальному явлению (конфликту).

В условиях информационно-психологической войны возникают новые тенденции и закономерности реализации государственной информационной политики:

1.1. Социальная адаптация информационно-психологической войны: эволюция информационно-психологической войны в направлении усиления ее регулирующей социальной функции способна преобразовать информационно-психологическую войну в один из институтов регулирования информационно-политических отношений.

Государственная информационная политика в дальнейшем будет основываться на усилении регулирующей социальной функции информационно-психологической войны и ослаблению ее деструктивной функции с целью превращения агрессивной формы информационно-политических отношений — войны — в один из институтов регулирования общественных отношений.

1.2. Социальная редукция конфликтогенного потенциала информационно-психологической во-

йны: формирование институтов информационного общества, обеспечивающее опережающее развитие системы информационно-политических отношений гражданского общества по отношению к существующим формам и методам информационно-психологической войны, приводит к редукции ее конфликтогенного потенциала.

Государственная информационная политика в будущем откажется от курса на поиск и устранение объективных противоречий, порождающих информационно-политические конфликты, и будет концентрировать силы на формировании институтов информационного общества.

1.3. Объектно-субъектный дуализм политических конфликтов в системе информационной политики: в системе информационной политики политические конфликты выступают одновременно и как объект информационного управления, и как основной инструмент управления другими политическими конфликтами и процессами.

Информационная политика в дальнейшем будет использовать информационно-политические конфликты как инструмент информационного управления другими политическими конфликтами и процессами. В рамках этой концепции множественность и многообразие институциональных политических конфликтов, выполняющих роль инструментов информационного управления, определяет гибкость, многовариатность и эффективность информационной политики.

1.4. Институционализация внешней информационно-психологической агрессии: информационно-психологическая война, распознанная системой информационно-психологических отношений объекта агрессии на ранних стадиях, становится институциональным конфликтом, а распознанная на последующих стадиях — объектом управления информационной политики.

Государственная информационная политика в дальнейшем будет содействовать интенсивному развитию и проявлению мероприятий информационно-психологической войны на ранних стадиях (воздействуя на активность источников агрессии) и управлять ими — на последующих стадиях.

В условиях информационно-психологической войны появляются новые существенные черты государственной информационной политики:

- как постоянное социальное явление, информационно-психологическую войну на данном этапе развития общества искоренить нельзя, но можно удерживать на определенном, контролируемом обществом уровне социальной опасности. В открытом гражданском обществе

единственная возможность установления государственного контроля над этим явлением состоит в управлении информационно-психологической войной как объектом управления с целью редукции его системных свойств и статуса до уровня институционального конфликта;

- информационно-психологическая война использует объективные противоречия политической системы общества в качестве объекта управления. Государственная информационная политика, способствуя формированию информационного общества, тем самым обеспечивает опережающее развитие системы информационно-политических отношений гражданского общества по отношению к существующим формам и методам информационно-психологической войны, устраняя или видоизменяя скрытые противоречия, на управлении которыми война основывается;
- информационная политика позволяет выявить истинные, глубинные противоречия в развитии общества, лежащие в психологии социальных отношений, рассматривая возмущения политического поля (классические политические конфликты) не как прямое проявление, а как индикатор существования таких противоречий.

8. **Концепции психологической войны: принцип противодействия и принцип управления**

В условиях психологической войны основная функция государственной информационной политики — защита общества от негативного информационно-психологического воздействия — включает в себя две основные составляющие:

- противодействие информационно-психологической войне;
- управление информационно-психологической войной.

Концепция противодействия предполагает, что:

- во-первых, информационно-психологическая война — внешний фактор по отношению к защищаемой системе и мы не можем повлиять на причины возникновения этого явления, поскольку это происходит где-то за пределами защищаемой системы;
- во-вторых, противодействуя войне, мы вмешиваемся в закономерности формирования и развития данного информационно-политического конфликта, нарушаем нормальные темпы его эволюции и изменяем условия перехода от одной фазы развития конфликта к другой. В принципе, такое вмешательство может нару-

шить течение психологической войны как политического конфликта и привести даже к ее политической дезорганизации.

- в-третьих, каждый новый информационно-политический конфликт представляет собой новую угрозу для защищаемой системы. Чем больше возникает новых конфликтов, тем больше угроз.

Основной недостаток концепции противодействия состоит в том, что цель противодействия — устранение или локализация информационно-политического конфликта в том месте, где он возник, — в условиях множественности информационно-политических конфликтов становится недостижима: вступая в борьбу с информационно-политическими конфликтами, мы боремся с частными проявлениями нового социального явления — психологической войны, — но не с самим явлением.

Концепция управления психологической войной в информационной политике базируется на принципе, что, если что-то нельзя победить, то его нужно организовать и возглавить. Управление информационно-психологической войной — деятельность по изменению системных свойств войны в избранном направлении при помощи инструментов внешнего политического воздействия. По нашему мнению, в системе государственной информационной политики именно управление информационно-психологической войной является важнейшей категорией деятельности органов власти в особых условиях.

Концепция управления психологической войной позволяет достигать цели, недоступные для концепции противодействия: если войной можно управлять, то уже не так принципиально важно для общественной стабильности, много в политическом поле общества таких конфликтов или мало. Ведь, как только подобный конфликт где-то возникает, он тут же становится субъектом государственного регулирования, а значит, начинает выполнять в обществе определенную социальную функцию. При всей своей агрессивности, конструктивные социальные функции у современной информационно-психологической войны все-таки есть: это, в первую очередь, вытеснение из поля международных отношений традиционных форм вооруженной борьбы и т.н. информационное сдерживание. Использование этих функций психологической войны в системе международных отношений (в сочетании с подавлением ее деструктивных составляющих) позволяет рассматривать психологическую войну даже как инструмент информационной политики. Кроме того, управление информационно-политическими конфликтами в принципе не может быть эффективно,

если конфликтов мало — в условиях единичности конфликтов каждый конфликт начинает вести себя индивидуально и так или иначе выходит за рамки общих статистических тенденций и закономерностей, на которых построено информационное управление. Следовательно, множественность конфликтов в концепции управления психологической войной — не препятствие, а основное условие эффективности применения такой концепции на практике.

Если рассматривать концепцию управления психологической войной в рамках социологической, статистической, конфликтологической и системно-функциональной гипотез, то мы получим следующую картину.

В системе государственной информационной политики можно выделить различные уровни управления информационно-психологической войной:

1. Управление психологической войной как социальным явлением:
  - регулирование социальной опасности психологической войны;
  - усиление конструктивной социальной функции психологической войны и редукция ее деструктивной социальной функции (социальная адаптация);
  - социальная редукция конфликтогенного потенциала психологической войны.
2. Управление полем информационно-психологических войн как полем политических конфликтов (статистической системой):
  - управление конфликтогенным потенциалом;
  - управление векторным потенциалом психологической агрессии;
  - управление векторной функцией психологической агрессии (изменение направления вектора психологической агрессии или его компенсация);
3. Управление психологической войной как разнородностью политического конфликта:
  - управление восприятием (на уровне личности);
  - управление коммуникацией (на уровне отдельных личностей, групп, стратов);
  - управление групповой сплоченностью (на уровне групп);
  - управление динамикой конфликта;
  - редукция статуса и системных свойств информационно-психологической войны до уровня институционального конфликта;
  - дезорганизация политического конфликта;
  - институализация психологической агрессии.
4. Управление информационно-психологической войной как внутренним элементом системы информационной политики, использование психологической войны как инструмента внешнего и внутреннего политического регулирования.

Источники:

1. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — М.: Горячая линия — Телеком, 2003. — 541 с.: ил.
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях, монография. — М.: Изд. МИФИ, 2003. — 388 с.: ил. (Cryptography.ru: <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169716>).
3. Манойло А.В. Информационное противоборство в условиях психологической войны. — М.: Закон и право. — 2003. — №12. — С. 31-34.
4. Manoilo A.V. Gestion de la guerre psychologique dans le cadre de la politique informationnelle de l'Etat. — P.: Politique et société. — №2'. — 2004.
5. РИА Iran News, Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта (Андрей Манойло, 22.07.05 11:33) http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=31796
6. Manoilo A.V., Psychological Warfare Management. — V.: Proceedings of The Forth International Scientific and Methodic Conference "IES-2004", 2004, pp. 375-378. (Intelligence to Business: <http://it2b.biz/it2b2.view3.page19.html>, Центр исследования компьютерной преступности: <http://www.crime-research.org/articles/612/>).
7. Директива МО США TS3600.I "Информационная война" от 21 декабря 1992 г.
8. Директива председателя КНШ МО США №30 «Борьба с системами управления», 1993 г.
9. Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington, D.C. National Defense University Press, 1995; Stein G.H. Information Warfare // Airpower Journal. Spring 1995.
10. Szafranski R. A. Theory of Information Warfare: Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995; Harley I.A. Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996
11. Information Warfare, complex organisations and the power of disruption. University of Arisona, 1997
12. Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998.

13. Портал Министерства информационных технологий и связи РФ, Объекты и субъекты информационно-противоборства: <http://www.minsvyaz.ru/site.shtml?id=2503>
14. Manoilo A.V. Research Problems of Forms and Methods of State Information-Psychological Warfare Regulation. — V.: Proceedings of The Forth International Scientific and Methodic Conference "IES-2004", 2004, pp. 368-371
15. Manoilo A.V., Methods of Psychological Warfare Research. — V.: Proceedings of The Forth International Scientific and Methodic Conference "IES-2004", 2004, pp. 372-374. (<http://it2b.biz/it2b2.view3.page18.html>)
16. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. — Киев: Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». Вып. — №8. 2005. — С. 73-80.
17. Вепринцев В.Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны. Методы, средства, технологии: Краткий энциклопедический словарь-справочник. — М.: Горячая линия-Телеком, 2005. — 495 с.: ил.
18. Манойло А.В., Фролов Д.Б. Информационно-психологические операции как организационная форма реализации концепции информационно-психологической войны. СПб.: Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. — 2003. — № 2. — С. 7-14.
19. Манойло А.В., Фролов Д.Б. Система социальных и политических отношений информационного общества как среда организации и проведения тайных операций информационно-психологической войны. — СПб.: Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. — 2003. — № 3. — С. 21-27.

References (transliteration):

1. Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v usloviyah informacionno-psihologicheskoi voiny. — М.: Goryachaya liniya — Telekom, 2003. — 541 s.: il.
2. Manoilo A.V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osobyh usloviyah, monografiya. — М.: Izd. MIFI, 2003. — 388 s.: il. (Cryptography.ru: <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169716>)
3. Manoilo A.V. Informacionnoe protivoborstvo v usloviyah psihologicheskoi voiny. — М.: Zakon i pravo. — 2003. — №12. — С. 31-34.
4. RIA IranNews, Informacionno-psihologicheskaya voina: faktory, opredelyayushie format sovremennogo voorzhenogo konflikta (Andrei Manoilo, 22.07.05 11:33) http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=31796
5. Direktiva MO SShA TS3600.I "Informacionnaya voina" ot 21 dekabrya 1992 g.
6. Direktiva predsedatelya KNSh MO SShA №30 «Bor'ba s sistemami upravleniya», 1993 g.
7. Portal Ministerstva informacionnyh tehnologii i svyazi RF, Ob'ekty i sub'ekty informacionnogo protivoborstva: <http://www.minsvyaz.ru/site.shtml?id=2503>
8. Manoilo A.V. Informacionno-psihologicheskaya voina: faktory, opredelyayushie format sovremennogo voorzhenogo konflikta. — Kiev: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Informacionnye tehnologii i bezopasnost'». Vyp. — №8. 2005. — С. 73-80.
9. Veprincev V.B., Manoilo A.V., Petrenko A.I., Frolov D.B. Operacii informacionno-psihologicheskoi voiny. Metody, sredstva, tehnologii: Kratkii enciklopedicheskii slovar'-spravochnik. — М.: Goryachaya liniya-Telekom, 2005. — 495 s.: il.
10. Manoilo A.V., Frolov D.B. Informacionno-psihologicheskie operacii kak organizacionnaya forma realizacii koncepcii informacionno-psihologicheskoi voiny. SPb.: Problemy informacionnoi bezopasnosti. Komp'yuternye sistemy. — 2003. — № 2. — С. 7-14.
11. Manoilo A.V., Frolov D.B. Sistema social'nyh i politicheskikh otnoshenii informacionnogo obshestva kak sreda organizacii i provedeniya tainyh operacii informacionno-psihologicheskoi voiny. — SPb.: Problemy informacionnoi bezopasnosti. Komp'yuternye sistemy. — 2003. — № 3. — С. 21-27.